

Чулпан Зариф в истоках своей поэзии стоит на столкновении или слиянии европейской поэтической традиции и восточного мировосприятия. Не случайно же она пишет на трёх языках – русском, татарском, турецком. Это обогащает её поэзию, приёмы письма, отражающими спектр её поэтической мысли. Она смотрит на Восток глазами европейки, а на Европу – глазами восточной женщины.

Отсюда её радость бытия, её почти детская удивлённость окружающим миром. Это внутренний лирический монолог, с которым она открывается миру. Это голос нежной поэтической души.

Д. Ч.

* * *

«Судьба не шёлком к телу прикасалась...»
Так женщина-поэт одна сказала.

Да, были боль, обиды и потери, –
Но я в людей не разучилась верить!

Искала в мире этом справедливость
О том, что нет её, ещё не зная...

Страдала, и поэтому – красива.
Любила, и поэтому – жива я!

* * *

Мой караван шагает к солнцу. День ото дня всё ближе, ближе....
И копь обратно не вернётся, мой бог, возлюбленный, прости же!..

Шагают сонные верблюды со мною медленно колонной.
Всё чаще слышу смех и радость. Всё реже раздаются стоны....

При свете золотого солнца исчезнут спутники-верблюды.
Как ты сгораю я, о солнце! Согрею ли я вас, о люди?..

* * *

В рыжих волосах пасутся кони
И целуют мягкими губами...
Это Грусть меня из дома гонит,
Это Грусть меня сводила с вами.

Это в чёрных кружевах перчатки
Чёрный ворон бьётся чёрной ночью.

Это Грусть нас склеила печатью,
Это Грусть (не я!) вас жадно хочет...

Жаркими кострами преисподней
Лижет груди, торжествуя, память.
Нет, не Грусть, а я иду сегодня!
Но не я, а Грусть уходит с вами...

Мне о вас не знаю, что напомним.
Может даже, ненароком, сами.
...В рыжих волосах пасутся кони.
Ждут, когда разбудят их губами...

* * *

Я вся была зло. И со злостью срывала клипсы.
И ядом речей хлестала, хлестала поэта.
А он сидел рядом и звал меня всё в Садабад¹...

А после швырнул на песок в гнев турецких поэтов,
И сам же потом нагнулся, чтобы достать.
...Умнейшие турки пали к нашим ногам.

Я вся была зло и вовсе ещё не знала,
Что я же мешаю думать ему о Лейли²...

* * *

Под глазами ложатся тени,
А в глазах – золотая тоска.
Кто-то в Боге нашёл спасенье,
Кто-то – в одиночестве скал.

Я ж терпела, терпела долго.
И любила. И вот с тех пор
Я вмещаю в себя и Бога,
И вершины заснеженных гор.

---

¹ Садабад – местность близ Стамбула, куда съезжались весной и летом турецкие поэты в XVII-XVIII вв. (прим. авт.)

² По легенде, когда Лейла после смерти мужа пришла к Меджнуну, он прогнал её, сказав, что она же мешает ему думать о ней (прим. авт.)

* * *

Сегодня дома печка жаром пышет,
И пахнет тёплым хлебом...
И грустно, что не быть уже нам выше,
Чем это небо.

Что никогда не вырваться из плена
К далёким звёздам
Деревьям, что в сугробах по колено
И в птичьих гнёздах...

* * *

Море, море... Всплески волн,
Успокойте мою душу!

Сердце, сердце рвётся вон,
Хлещет стонами наружу!..

А над морем – крик тоски...
Дура птица, ты же – дома!..

Эта ночь рождает всхлип,
Всхлип по берегу родному...

ГОРЫ ВО МГЛЕ

Горы во мгле...
Еле видны их очертанья.
Сколько во мне
Грусти по ним и почитанья!
Горы во мгле...
Так далеки – не дотянуться...
Горе же мне! –
Я их люблю больше, чем солнце...

* * *

Здесь нет зимы, здесь апельсиновая осень.
Оливки, кедры здесь листву не сбросят!..

Вечнозелёные Эгейские холмы...
И в каждом доме запах стынувшей долмы...

Здесь нет зимы. И вдоль дороги – черепахи...
Им хорошо в прохладной каменной рубахе.
Молитвенно тихи вершины гор...
И вдоль дорог гераневый забор.

И апельсины на деревьях – словно солнца!..
И аксакал, что держит чётки у оконца,
Глазами южными пьёт море, как айран...

И небо строго-свято, как Коран.

* * *

*Молчали горы. Кто-то звал меня
Настойчиво...*
Егише Чаренц

Кто-то звал меня в горы с тюльпанами на подоле,
Кто-то звал меня с ветром в обнимку по горным тропам.
Голос тот был знакомым мне с детства. Знакомым до боли.
Древний свод был таинственно-дымчатым, словно опал.

Кто-то звал меня... Горы молчали. Шептались ущелья.
Я тюльпаны с испугу тогда обронила к ногам.
Голос звал... И опаловый свод обещал возвращенье
К тем далеким – где с ветром в обнимку! – родным берегам.

Кто-то звал... И гора, что напротив, в чалме белоснежной,
Словно суфий, спокойно и мудро дала мне совет
Вместе с солнцем вернуться в долину тюльпаном нежным,
Изучив небосвода языческий, древний завет.

В РАЗВАЛИНАХ ТРОИ

Вот ветер прикоснулся к волосам,
Эгейский ветер, помнящий Гомера.
Как мраморных гробниц тоска безмерна!
И как печально кедр льёт бальзам...

В развалинах античный, гордый град.
Свидетели – оливковые рощи...
Им ли не знать, что истины нет проще,
Чем к солнцу тянущийся виноград!

Любовь была и поводом к войне,
И символом возжажденного мира.
Здесь, на Эгейском побережье лира
Всем любящим сочувствует вдвойне.

Оранжевый закат, что млел в глазах
Возлюбленным похищенной Елены,
Теперь – в моих очах, такой же тленной,
С Эгейским ветром в светлых волосах...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ СЫНУ

На ладонях твоих – ракушка.
Дна морского жемчужное ушко...

Так закручена, что без донца.
Перламутровая немножко...

Вот, прищутив глаза от солнца,
Ты накроешь её ладошкой.

Убаюкана, – не проснется!
Так усни же и ты, крошка...

* * *

Стамбул!
Тебя люблю давно и безвозвратно...
На сердце – как печать... На родину обратно,
Не знаю, ляжет путь или судьба – быть здесь...

Стамбул!
Ты на моём челе с рожденья есть...

Мечети шахзаде, султанов и их жён.
Сей град интригами и сказкой окружён...
Не знаю, кем была – наложницей, царицей...

Стамбул!

Мне до сих пор та жизнь, что в прошлом, снится....

* * *

И будет также течь Арагва,
И будут гореть свечи в Мцхете и Джвари...
И чурчелы не перестанут манить
И зывать к памяти детства – туда,
Где отец присылал их с Кавказа посылкой,
Так и не увидев Тбилиси...

И будут правдивы слова,
Что художник от слова «худо»,
В комнатухе под лестницей,
Где жил Пиросмани,
Расплачиваясь в кафе
Рисунками на салфетках...

И будет скорбеть о Незабвенном¹
Черная Роза Тифлиса²,
Напоминая, что горе от ума...
И будет подобна флагу
В городе теплых ключей³
Лоза, напоённая солнцем...

Вот только жажду не утолить
Ни страстью Тамар,
Ни вином,
Ни «слезами Давида»...

Тбилиси, 2018.

* * *

У Карсской крепости
С Османского моста

---

¹ Так написала на могильном камне А. Грибоедова его безутешная вдова Н. Чавчавадзе (*прим. авт.*).

² Так называли жену автора пьесы «Горе от ума» А. Грибоедова Нино Чавчавадзе (*прим. авт.*).

³ Название Тбилиси с грузинского переводится как «город тёплых ключей» (*прим. авт.*).

Пытаться звёзды с речки Карс достать
Под говор горных вод...
И так близка серебряная гладь!
...Дотронься кончиками пальцев
И погладь
Мечети опрокинувшийся свод...

Карс, 2019

* * *

В миг, когда мир переворачивается,
Хочется просто упасть в небеса,
В папины сильные руки...

Карс, 2018